

АУДИТОРИЯ КАК МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

© А. Е. Сериков

Сериков

Андрей Евгеньевич

кандидат философских наук,
доцент

декан философско-
филологического факультета

Самарская

гуманитарная академия

В статье рассматривается вопрос о месте смысла человеческого действия. Если говорить о месте, в котором происходит социальное действие, то это и есть место смысла, но только не данного действия, а его образцов. Но поскольку они имели другие места, место данного действия должно иметь нечто общее с местами своих образцов. Некоторым образом место действия конструируется из (свойств, элементов) мест прежних действий. Так, аудитория наследует структуру сакрального пространства христианского храма, на которую накладывается структура социальных отношений современных институтов науки и образования.

Ключевые слова: место, смысл, событие, действие, семиотические ряды, социальное пространство, сакральное пространство, аудитория, храм, университет.

Место и смысл действия

Где возникает смысл, где он существует? Часто считается, что он вне пространства мест, в умпостигаемом мире, но так ли это? Далее речь пойдет о смыслах, привязанных к телу человека и поэтому локализованных там, где находится тело. Место таких смыслов там, где в теле рождается смысл места.

Из чего складывается смысл места, в котором находится человек? Поскольку человек не просто находится в определенном месте, а почти всегда что-то делает, можно поставить вопрос более узко: в чем смысл того места, в котором человек действует? Смысл места действия влетает в смысл

А. Е. Сериков

действия, и поэтому важно договориться о том, что понимать под смыслом действия. С одной стороны, имеют место индивиды, их психика и те смыслы-манifestации, которые они вкладывают в свои действия, в том числе в речевые и другие коммуникативные акты. С другой стороны, слова и другие знаки имеют денотативные смыслы, указывающие на соответствующие вещи и процессы. С третьей стороны, знаки имеют сигнификативный смысл, производный от их места в относительно устойчивой системе других знаков. И, наконец, если имеет место некоторая последовательность появления знаков, каждый вновь появляющийся знак может выражать *событийный* смысл предшествующих знаков. Событие в данном контексте – это локализованное в пространстве и времени рождение смысла, которое наблюдается постольку, поскольку выражается в появлении некоторого знака. Например, высказывание может выражать смысл предшествующих высказываний, а для выражения его смысла потребует новое высказывание. Если этот пример обобщить, можно сказать, что действие выражает *событийный* смысл предшествующих действий. Событие такого смысла назовем *социальным событием*. Социальные события понимаются как такие смыслы действий, которые не просто выражают субъективные интенции деятеля, но связывают действия в единую цепочку и извлекаются из смыслов предыдущих действий.

Если говорить о месте, в котором происходит социальное действие, то это и есть место смысла, но только не данного действия, а его образцов. Но поскольку они имели другие места, место данного действия должно иметь нечто общее с местами своих образцов. Некоторым образом место действия конструируется из (свойств, элементов) мест прежних действий. Возможны различные варианты такого конструирования. Первый: все действия происходят в одном и том же месте. Как это вообще возможно? Как место может быть одним и тем же? Может быть, не действия происходят в одном и том же месте, а место воспринимается как одно и то же, когда происходящие в нем действия определяются как повторяющиеся? Кочевник спит в одном и том же месте – в своей юрте, юрта устанавливается всегда недалеко от пастбища, и т. д. Противоположный вариант: действия происходят в разных геометрических (географических) местах, но в силу схожести действий места воспринимаются как одно и то же. Более сложными являются промежуточные варианты, когда ни географическая локализация, ни другие свойства действий точно не воспроизводятся. Здесь мы имеем дело с конструированием места по образцу прежних мест. Как оно происходит? Например, место можно размечать, облагораживать, убирать, украшать, подготавливать. Разновидностью такой подготовки является ремонт. Этологи пишут, что некоторые животные размечают территорию (как собаки), а другие еще и темпорально (как кошки). Очевидно, что человек использует оба способа. Наши места размечены границами, а внутри границ обозначены тем, как расставляются, раскладываются, развешиваются и разбрасываются машины, мебель, бумаги, посуда, полотенца, одежда и т. п. И все это может стать знаками происходящих действий, более того, спровоцировать эти действия. Скажем, такие действия,

как «думать» и «сочинять». Для кого-то они могут осуществиться только в собственном кабинете, для кого-то – в публичной библиотеке или в кафе, или на природе; кому-то под рукой нужна сигарета, кому-то – кофе, а кому-то – включенный компьютер.

С одной стороны, не бывает двух абсолютно похожих мест, то есть место – это не просто некая точка в однородном пространстве, каждое специфично. С другой стороны, всякое место чем-то напоминает нам другие места. И дело не только в каких-то объективных, не зависящих от нас характеристиках данной точки пространства. Дело еще – в нас самих. Мы «достраиваем» любое место, в котором оказались, выделяя и используя те его свойства, которые делают его подходящим или, наоборот, неподходящим для некоего действия. В ходе определения ситуации область пространства как бы проявляется и превращается в место. Строго говоря, никакого абстрактного пространства в повседневности нет, так как мы «кочуем» от одного качественно определенного места к другому. Маршруты таких кочевков – тоже места, поскольку переход – разновидность действия.

Возникает вопрос о том, чем различаются маршруты и места, так сказать, неподвижные, стационарные. Видимо, различия должны быть связаны со спецификой соответствующих действий и используемых подручных средств. Для путешественника маршрут – это место, обладающее новизной, это препятствия, которые приходится преодолевать, либо просто новые впечатления. Когда маршрут становится привычным, на него уже не обращаешь внимания. Бывает так, что все города, музеи, реки и пляжи мира становятся похожими, и из путешествия выносишь только впечатления от общения с людьми и книгами, совершенно не помня, на фоне каких ландшафтов оно происходило.

Чем отличается перемещение из места в место от каких-либо действий, когда ты уже «на месте»? Например, чем отличается место пассажира поезда от места проводника? Место проводника более обжитое, более приспособленное к решению мелких бытовых проблем, более уютное. Проводника на его месте можно найти, скажем, на разных станциях к нему заходят знакомые, с ним здороваются пограничники, таможенники и торговцы. То есть, несмотря на то, что проводник непрерывно перемещается в «большом пространстве», он имеет вполне определенный адрес, которого в принципе нет и не может быть у пассажира. Пассажир, турист готовы терпеть временные неудобства, которые они компенсируют расточительством, например, обедами в ресторанах. Неудобства могут быть неизбежной платой за удовольствия расточительства, если человек так отдыхает, либо оправданием расточительства для человека, который путешествует по необходимости, но они почти всегда взаимосвязаны.

Когда мы подготавливаем место, мы делаем это в надежде, что «все пройдет как положено» или «все будет как в прошлый раз». Иногда, наоборот, мы хотим новых ощущений, необычных отношений, невероятных событий и идем (едем, летим) в какое-нибудь новое место. Проблема в том, что оно может оказаться копией прежнего нового места, т. е. по существу тем же самым. Итак, поиском и обустройством места мы зани-

маемся, чтобы спровоцировать определенный тип события. То есть мы знаем, что свойства событий связаны со свойствами мест. Это выражается, в частности, в метафорических представлениях о детстве, любви, счастье, отдыхе, творчестве как об особых местах и странах. Это также выражается в существовании сакральных мест, в которых возможны таинства и чудеса. Иногда мы не подготавливаем место и не стремимся специально в него, но оказываемся в нем случайно. Просто видим, что оказались в совершенно незнакомом месте, или, наоборот, узнаем его. Узнавание места равносильно предвкушению определенного события, ведь место – часть ситуации.

Аудитория

Допустим, я нахожусь в аудитории. Чем является для меня эта аудитория, что в ней для меня существенно, а что нет? К каким действиям она меня подталкивает и в чем ограничивает? В любом случае, когда делаешь доклад в аудитории, нельзя сказать, что выбор места внутри нее, как и вся сопутствующая обстановка, совершенно случаен или зависит от свободной воли докладчика. Я бы сказал, что каждая конкретная аудитория является знаком многих других аудиторий, как и доклад или лекция в ней – знаком многих других докладов и лекций.

Каким образом комбинация свойств прежних мест создает новое место? Аудитория как место – любое место, где присутствуют слушатели особого рода. Какого рода? Например, определенного возраста и уровня образования, определенным образом одетые и т. п. Такие, которые обычно слушают меня в определенного рода помещениях, называемых аудиториями. В отличие от школьного класса, аудитория связана с наукой и высшим образованием. В отличие от концертного зала, в ней (почти) не развлекают.

Мне рассказывали об одном иностранном профессоре, читавшем лекции в Самарском университете. На вопрос о том, понравились ли ему студенты, он отвечал, что они очень внимательные и начитанные, но студентки почему-то одеты, «как проститутки». После этого организаторы лекций объясняли ему, что для нашей культуры студентки одеты обычно, у нас студентки всегда так одеваются. Что в данном случае произошло? Видимо, привыкший работать в более пуританской и деловой обстановке гость испытывал трудности с определением места, в котором оказался. Даже мы, ко всему привычные, и то иногда теряемся. С одной стороны, вроде находишься в аудитории, на территории университета, и нужно читать лекцию на некоторую академическую тему. С другой стороны, посмотришь на студенток, и почему-то лекция «не идет». Может быть, я не совсем в аудитории? Противоположный пример – попытка прочитать студентам лекцию на свежем воздухе. Например, в парке на траве. Американские студенты такое занятие воспринимают нормально, а наши не могут сосредоточиться. Нет такого места среди их привычных образцов мест проведения занятий.

Подыскивая себе место, я выделяю части аудитории удобные и неудобные физически, уютные и не очень, приемлемые или нет с социальной точки зрения, выгодные или нет с психологической точки зрения.

В одной из работ австралийского психолога А. Пиза сообщается, что учителя бессознательно лучше относятся к тем ученикам, которые находятся слева от них, т. е. в правой части класса, и это как-то должно быть связано со спецификой работы правого полушария, в которое поступает информация с левой стороны. Я с удивлением обратил на это внимание, потому что давно предпочитаю места именно в этой, правой половине аудитории и почти всегда был отличником. Я-то думал, что просто боюсь сквозняков и всегда сажусь подальше от окна, — таково мое личное рациональное объяснение привычного места. Но с учетом того, что расположение аудиторной мебели в нашей и вообще в европейско-американской культуре достаточно стандартно, может быть, я бессознательно выбираю места слева от учителя или руководителя как более выгодные? И не связано ли такое отношение учителей с бессознательным восприятием тех, кто находится в правой части аудитории, как более правых просто в силу семантических связей?

Кстати, типичная расстановка мебели тоже может найти рациональное объяснение: для пишущих правой рукой удобнее, чтобы свет падал слева, а левшей мало и леворукость долгое время преследовалась как в Европе, так и в России. Хотя и это объяснение может оказаться лишь позднейшей рационализацией, а типичная расстановка лишь следствием какого-то первичного выбора. Это подсказывает идея академика Ю. С. Степанова о существовании эволюционных семиотических рядов¹. Может быть, аудитория является культурной наследницей христианского храма, и тогда типичное расположение кафедры (учительского стола) относительно окон и дверей как-то связано с христианской догматикой? Например, пространственная структура аудитории с преподавательским столом и кафедрой², рядами студенческих столов и проходами между ними, ведущими к преподавательскому столу, мне всегда напоминала пространство католического храма с такой же кафедрой, скамьями и проходами.

Но при углублении в эту тему выясняется, что эта идея верна лишь частично, что прямой и непосредственной наследницей христианского храма аудитория не является. Дело в том, что даже в монастырских средневековых школах обучение проходило не столько в храме, сколько в библиотеке и, возможно, в кельях. Позже, когда начали формироваться первые средневековые университеты, преподаватели часто обучали студентов у себя на дому или в любом нанятом помещении. В Парижском университете одно время студенты сидели на полу на охапках соломы. А архитектур-

¹ Степанов, Ю. С. Семиотика культурных концептов // Семиотика: Антология. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001.

² То, что мы в российской повседневности часто называем кафедрой, то есть подставка для книг и других лекционных материалов, в историческом контексте обычно называется пюпитром, так как кафедрой в средние века называли кресло преподавателя. Как выглядела кафедра преподавателя средневекового университета, можно увидеть на иллюстрациях к книге: Гофф Ж., Ле. Интеллектуалы в Средние века. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003.

ным образом для первых университетских зданий в России были дворянские усадьбы. Кроме того, многие современные университетские аудитории напоминают по своей структуре не столько храм, сколько античный театр и цирк: студенческие скамьи полукруглыми рядами-ступенями спускаются к преподавательской кафедре.

Тем не менее, думаю, что аудитория обладает пространственной структурой сакрального места и восходит эта структура к структуре храма. Поэтому аудиторию можно было бы назвать квазисакральным местом, так как, наследуя структуру храма, сакральным местом она не является. Прежде всего, аудитория является таким место просто потому, что в ней учат, а учитель в иудео-христианской культуре прочно ассоциируется с религиозными учителями, такими как Моисей и Иисус. Поэтому всякий, кто учителствует, невольно в каком-то смысле занимает их место. Но этому способствуют и архитектурные традиции. Я позволю себе обширную цитату из статьи А. Я. Флиера, поскольку не смогу сам более точно и кратко изложить сообщаемые им сведения о структуре христианского храма.

«В течение I тыс. до н. э. в Иерусалиме последовательно возводились и разрушались три каменных храма: первый (храм царя Соломона), второй (храм Езекии), построенный после вавилонского пленения, и третий (храм Ирода Великого), бывший не новой постройкой, а реконструкцией руин прежнего храма, произведенной уже в период римского владычества в Палестине. О первых двух храмах известно, что структурно они преимущественно повторяли схему Моисеевой скинии, то есть включали ритуальную площадь и двухчастную собственно храмовую постройку.

В третьем храме, построенном не без влияния эллинистической архитектурной эстетики и разрушенном Титом Флавием в 70 г. н. э., ритуальная площадка была уже включена в строгий прямоугольник стен храмового комплекса, где бил источник для омовения ног. Сам же храм был уже фактически трехчастным, включая привходовое помещение для женщин и основное помещение для мужчин, посреди которого на возвышении была отгорожена тяжелыми шторами на столбах особая зона — “святая святых”.

Все три храма, несомненно, принадлежали к традиции ближневосточных культовых построек, причем по мере развития их архитектуры от храма к храму прослеживается тенденция “втягивания” ритуальной площадки в комплекс собственно храмовых помещений и перерастания двухчастной композиции в трехчастную, что стало нормой в последующем христианском храмостроении...

<...> Теперь представляется очень интересным рассмотреть воплощение модели “центрального места” в структуре христианского храма. Безусловно, ни о каком сознательном использовании “языческой” схемы трехчастного мира здесь не могло быть и речи; наличие этого стереотипа в христианском храмостроении может быть связано только с его преемственностью от ветхозаветных иерусалимских храмов и их давно забытой исходной символики.

Вне зависимости от преобладавшего на том или ином этапе истории рационального объяснения схемы физического строения Вселенной (аристотелевской, птолемеивской, коперниковской), в центре христианского мистического миропонимания, несомненно, всегда стоял образ Голгофы.

Именно Голгофа являлась для христианина тем "центральным местом", "мировой осью", от которой и вокруг которой разворачивалось пространство Мира и драма мировой Истории. Недаром из всего многообразия символики раннехристианских времен именно образы Распятия и орудия казни – Креста стали базовыми, исходными, осевыми эмблемами нового миропонимания (известно, что до IV–V вв. для христиан более актуальным был образ Христа-во-Славе, нежели Христа-распятого)...

...По существу та же иерархическая схема воплощена и в вертикальной композиции христианского храма. Сакрально наиболее важным местом храма является алтарный престол, на котором совершаются церковные таинства и в основании которого принято помещать ящик с мощами какого-либо святого (или зашивать частицы мощей в край антиминса – ритуального плата ткани, покрывающего престол при богослужении). В раннехристианских катакомбных храмах Евхаристию совершали непосредственно на крышках саркофагов великомучеников, погребенных здесь же в алтаре, так что престол символически означает "Гроб Господен". Без наличия святых мощей в основании престола или в антиминсе храм не может быть освящен, т. е. ритуальное захоронение святого или частиц его мощей в храме является строго обязательным. Сам храм возвышается над этим захоронением, замещающая или условно символизируя собой "мировую гору" (возможно, непосредственно Голгофу, поскольку храмовый алтарь символизирует собой "пещеру Святого Гроба", то есть место захоронения Христа в пещере на склоне Голгофы). Это также подтверждается наличием паперти; в храм нельзя просто войти, в него следует подняться (разумеется, по мере накопления исторических пластов почвы, особенно в городах, высота пешеходной части улиц начинает возвышаться над входами в средневековые храмы, и для вступления в портал нередко приходится спускаться по ступеням). В интерьере храма в подкупольном средокрестии четко выражена вертикальная ось, символизирующая мистическую оппозицию "земля-небо", сакральной кульминацией которой является купольная полусфера с образом Вседержителя. И, наконец, над храмом высится глава, увенчанная крестом – "мировым деревом". Таким образом, символическая схема "центра Мира" и здесь просматривается с достаточной очевидностью, и есть все основания полагать, что и христианский храм, и канонический иконописный образ Голгофы воплощают собой древнейший стереотип "первобытного Космоса".

Однако помимо вертикальной христианский храм обладает еще и горизонтальной протяженностью с Запада на Восток и строгой сакральной иерархией ее пространств. Она хорошо известна: первое привходовое помещение – нартекс, символизирующий собой землю, место для всех; второе – наос – небо, место для верующих христиан; третье – алтарь – "то,

что превыше небес", место только для священнослужителей. Движение в пространстве храма от входа к алтарю символизирует собой и "горный путь" – восхождение Христа на Голгофу, и историческое движение от ветхозаветного прошлого (нартекс) через новозаветное настоящее (наос) к грядущим "вратам небесным" ("царские врата" в алтарной преграде) и спасению, что предельно четко отражено в тематике храмовых росписей. То есть и здесь имеет место мистическое "восхождение" от периферии к сакрально наиболее значимой точке, а также мистическая иерархия исторического времени³.

Какие выводы мы можем сделать из этого и других подобных описаний христианских храмов применительно к пространству аудитории? Например, выделяется ли в ней вертикальная структура? В современных университетских аудиториях мы ее не заметим. Но во времена основания Московского университета его куратор И. И. Шувалов придавал особое значение наличию большой аудитории – своеобразного прообраза актового зала, в которой можно было бы устраивать ежегодную раздачу наград с приглашением знатных персон и поименным объявлением награждаемых⁴. Если все российские вузы в каком-то смысле являются культурными наследниками первого российского университета, то все аудитории в них – наследницы этой первой аудитории. А она с самого начала понималась как место торжеств, т. е. в какой-то мере сакральное место. Позднее, когда для Московского университета специально строили здание на Моховой, архитектор М. Казаков явным образом исходил из концепции «храма науки».

«В казаковском проекте здания Университета – воплощении Минервина храма мудрости – доминирующую роль играла ротонда знаменитого круглого зала, апсида которого была как бы алтарем, на который ученые приносили плоды своих трудов. Здесь можно видеть типичную для этого времени попытку аллегорического выражения идей Просвещения через образы античной мифологии. Но не только. Это, на наш взгляд, также и проявление (в материальном выражении) принципиально нового для России религиозно-философского подхода к знанию: религиозного, но по существу внецерковного чувства, отражавшего взгляд на науку как святое, не только "благородное" (т. е. достойное внимания высшего сословия), но и богоугодное дело...

...Просторные залы, светлые комнаты с высокими потолками и, особенно, торжественное пространство ротонды – Актового зала Университета, вероятно, должны были оказывать на воспитанников большое впечатление, рождать чувство благоговения перед "храмом науки", вызывать ощущение попадания в новый мир. Особенно это касалось воспитанников-разночинцев, в меньшей степени "привычных к дворцовым пространствам

³ Флиер, А. Я. Рождение храма: опыт самоопределения человека во времени // Мир культуры. 2004. № 2.

⁴ Кулакова, И. П. «Минервин храм» (Москва и московский университет в XVIII веке) // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 3.

детей аристократии". Недаром в этом "святом" месте не устраивалось ни спектаклей университетского театра, ни маскарадов, ни танцев (сцена и партер театральных представлений были в парадных сенях главного здания; маскарады устраивали в столовой и соседних залах; танцевали по праздникам в малых студенческих столовых).⁵

Итак, аудитория в российском университете изначально понимается как торжественное место и в гораздо большей мере сближается с храмом, чем с театром. Аудитория с самого начала намекает на серьезность происходящего в ней действия. Лекция – это не представление, потому что аудитория – не театр. Лекция (или доклад) в аудитории скорее напоминает проповедь. Тем не менее, вертикальную храмовую структуру в аудитории мы наблюдаем редко. А вот горизонтальная структура сакрального пространства, на мой взгляд, в ней четко прослеживается. Так же, как в Моисеевой скинии, а затем в христианском храме, в ней выделяется центральное место, куда допускается только посвященный. Это аналог алтаря в храме – того места, где хранились скрижали, где находятся святыне мощи, где происходит ритуал жертвоприношения. Это пространство преподавательского стола, кафедры-юпитра и доски, куда допускается либо сам учитель, либо приносимый в жертву и претерпевающий символическую смерть-возрождение экзаменуемый студент. Путь к этому месту обозначается в храме стенами, столбами и колоннами, а в современной аудитории – проходом между рядами столов. Между этим проходом и кафедрой часто существует граница в виде ступеньки, если кафедра находится на возвышении. Другая граница – порог аудитории – отделяет это квазисакральное место от пространства коридора, еще один порог отделяет пространство университета от профанного пространства улицы. Таким образом, чтобы попасть в аудиторию и, тем более, чтобы прочитать в ней лекцию, нужно преодолеть ряд символических и соответствующих им физических границ – от поступления в университет в качестве студента до получения аттестата доцента или профессора.

Нормальная аудитория не должна быть проходной, иначе она лишается сакральности, в ней невозможно нормально работать из-за снующих туда-сюда людей. Если исходить из модели христианского храма, алтарь – это место, которое не может быть доступно для проходящих посторонних. То же самое можно сказать и о месте, где проходят учебные занятия. Это замечательно продемонстрировано в одном из фильмов Л. Бунюэля, где преподаватель пытается читать лекцию по культурной антропологии в полицейском управлении и его постоянно перебивают какими-то объявлениями входящего и выходящего дежурного, тревогой, построением и т. п.

Внутреннее пространство христианского храма символизирует устройство мира. Царские врата алтаря иначе именуются «Вратами Рая». Алтарь – это символ рая, частичка рая, и он всегда находится на востоке, т. е. там, откуда встает солнце, появляется свет. Если эту структуру перенести на аудиторию, свет и в буквальном, и в переносном смысле

⁵ Кулакова, И. П. Указ. соч.

падает на учеников со стороны лектора. В переносном смысле это свет знания, а в буквальном – солнечный свет из окон аудитории. Окна никогда не располагаются за спинами учеников, но всегда – за спиной лектора и/или сбоку – так, чтобы удобно было писать. Поскольку исторически лекции в университетах имели форму чтения и комментирования текста лектором, который держал соответствующую книгу на юпитре, сидя на кафедре лицом к ученикам, свет из-за спины лектора падал ему на книгу и на тетради учеников.

Кстати, описанная выше горизонтальная структура храма отсутствует в синагогах и мечетях. Синагога, в отличие от храма, это место общих собраний, бесед на религиозную тему, совместного чтения религиозных текстов. Иерусалимский храм был один, а синагог много. Алтаря как такового в синагогах нет. Традиционные синагоги были двухчастными, где от общего зала отделялась не «святая святых», а помещение для женщин. Это же относится и к мечетям, в которых выделяется обращенное к Мекке помещение для хранения книг (михраб), зал для совместных молитв мужчин и помещение для женщин. Статус храма для мусульман имеет только Кааба в Мекке, а мечеть – это молитвенный дом⁶. Применительно к образовательному пространству подобную «демократическую» или «эгалитарную» структуру имеют не столько большие аудитории, сколько помещения кафедр или малые аудитории, в которых происходят заседания научных клубов, круглых столов и семинаров с небольшим количеством участников, где доклады обсуждаются в тесном кругу коллег. Эта структура совместной работы с текстом сложилась в средневековых английских колледжах, где со студентами занимался тьютор, читавший и обсуждавший книгу, сидя со студентами за одним столом⁷. Эта структура предполагает не передачу знания из центрального места в менее сакральную часть аудитории, как в случае с лекцией, а совместное обсуждение проблем равноправными участниками.

Современные лекции в аудитории наследуют форму средневековых лекций и вместе с ней ту атмосферу сакральности, которую средневековые лекции наследуют у богослужения. В средние века лекции делились на ординарные (важные, обязательные) и экстраординарные (дополнительные). Первые читались утром, когда голова варит лучше, вторые – после обеда и по праздникам. Обстановка на ординарных лекциях была строгой, словно на мессе: запрещалось прерывать лекцию вопросами, лектор обязан был носить форменное платье. Кстати, за опоздание или пропуск занятий взымался штраф, причем не только с нерадивого школяра, но и с недобросовестного преподавателя!⁸

Наряду с лекциями в средневековых университетах практиковались такие формы занятий, как *repetitio* и *disputatio*. «*Repetitio* – это подроб-

⁶ Флиер, А. Я. Рождение храма: опыт самоопределения человека во времени // Мир культуры. 2004. № 2.

⁷ Рыбалкина, Н. В. К истории тьюторства // www.thetutor.ru/history/article04.html

⁸ Бажал, А. Служитель Вахха, «мученик науки»: средневековый студент // www.obrazovanie.by/01_articles/a_07_005.html

ное объяснение отдельного текста с разных сторон, с учетом всех возможных сомнений и возражений. В Парижском университете чаще это была проверка всех относящихся к определенной частной проблеме источников по различным рукописям и просмотр соответствующих комментариев в различных сочинениях. В германских университетах они проходили в форме диалога между учителем и учеником. Учитель задавал вопросы и по ответам судил об успехах ученика. Была и еще одна форма – повторение части прочитанного»⁹. Русские университеты заимствовали структуру образования у немецких, и, насколько я понимаю, немецкий вариант *repetitio* стал основой того, что мы обычно называем семинарским занятием. Схема этого занятия вполне вписывается в квазисакральную структуру аудиторного пространства.

Диспуты же стали прообразами наших конференций и защит квалификационных работ. Здесь, как мне кажется, пространство оборачивается, и выступающий играет роль не столько учителя, сколько жертвы, приносимой на алтарь науки. С другой стороны, диспут является наглядным воплощением метафоры «спор – это война». Каждый, кто оказывался в аудитории в момент диспута, испытывал это на себе. «Если вы участвуете в беседе... и замечаете, что она превращается в спор, то что заставляет вас сделать такой вывод? Базовое отличие – это ощущение боевой готовности»¹⁰. Кстати, историки пишут, что средневековые диспуты нередко перетекали в реальные потасовки. Сегодня мы такое наблюдаем в парламентах, видимо, условием такого перетекания является отсутствие властных сдерживающих механизмов, известная автономия участников. Но я хочу обратить внимание на роль в этом процессе самой аудитории как места, в котором мирная беседа может превратиться в спор.

Итак, действия в аудитории могут структурироваться на основе разных метафор: лекция на основе метафоры послания, проверка домашнего задания у доски – на основе метафоры жертвоприношения или обряда перехода, диспут – на основе метафоры войны и т. п. Соответственно и место это воспринимается то как кафедра проповедника, то как жертвенный алтарь, то как бруствер окопа.

На горизонтальную структуру квазисакрального пространства аудитории накладывается социальная структура статусов и отношений тех, кто в ней действует. Согласно П. Бурдьё, социальные позиции, объективированные в физическом пространстве, одновременно представлены в виде противопоставлений в головах людей. Так, например, правый берег Сены в Париже противопоставлен левому, центральные кварталы – периферийным и т. п. С этой точки зрения, любая конкретная аудитория должна быть не только соотнесена с другими аудиториями, но и противопоставлена тем местам, от которых отличается как в физическом, так и в социальном плане. Чем это место отличается от других мест таким обра-

⁹ История Запада. Средневековая система образования и университеты // www.osh.ru

¹⁰ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: ЛКИ, 2008. С. 113.

зом, что речь, произнесенная здесь, становится докладом или лекцией? Каким образом я становлюсь докладчиком, когда занимаю вот это место? Ведь в какой-то мере именно оно делает меня докладчиком, активизирует и делает легитимной мою позицию в социальном пространстве. Ведь если я начну произносить речь в других местах, меня, скорее всего, слушать не будут, да и сам я вряд ли смогу что-нибудь сказать. Потому что речь будет неуместна.

В терминах Бурдьё, аудитория – это место, где присутствуют люди, обладающие определенным капиталом, прежде всего, символическим и социальным. Также это люди, играющие на одном социальном поле в игру, называемую наукой. Находясь здесь, человек почти автоматически делает ставки и воспринимается другими соответственно. Именно в аудитории дипломы, аттестаты и прочие подобные бумаги, а также способности и человеческие отношения, не играющие никакой роли в других местах, начинают работать.

П. Бурдьё пишет, что «социальное пространство стремится преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство с помощью удаления или депортации некоторых людей – операций неизбежно дорогостоящих»¹¹. От себя добавлю, что в случае аудитории это может быть операция не только удаления, но и простого перемещения. Например, учащегося, лежащего на столе, можно попросить сесть нормально. Как все понимают, удаление в таких случаях действительно стоит дорого, а перемещение – почти ничего.

Мебель и ее расстановка отражает структуру социального пространства и тем самым является важным смысловым элементом аудитории. Когда я спросил первокурсников, нет ли у них проблем, они пожаловались на то, что с трудом привыкают к скамейкам. Что ж, скамьи косвенно свидетельствуют о сакральности места, они родственницы скамей в католических храмах. В средневековых университетах студенты сначала сидели на полу, затем их пересадили на скамьи, в современных западных университетах они сидят на индивидуальных стульях, а порой – за индивидуальными столами. Профессора же в западных университетах традиционно занимали кресла, называемые кафедрами. И по мере того, как в позднем Средневековье профессора сближаются с аристократами, кафедра «все чаще украшается навесом, подчеркивая их знатность; она становится знаком их обособленности, высоты, величия»¹². Похожие символы имеют место и в российской культуре: при основании МГУ в первых университетских аудиториях для студентов устанавливались скамьи, для учителей – стулья, а для профессоров – кресла. В советские годы скамьи явным образом понимались как символ демократизма и коллективизма. Например, было время, когда в советских детских садах табуретки отменили, чтобы не воспитывать индивидуализм. Конечно, сегодня адми-

¹¹ Бурдьё, П. Физическое и социальное пространство // Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 36.

¹² Гофф, Ж. Ле. Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003. С. 116.

нистрация вуза не исходит из этой символики явным образом, но любой завхоз понимает, что в зале заседаний ученого совета должны стоять кресла, а в студенческой аудитории можно установить стулья или даже скамьи.

Практическая метонимия¹³ играет существенную роль в социальном структурировании пространства аудитории. Столы и стулья, которые привычно занимают определенными людьми, воспринимаются как их места. Если эти люди различаются по своим социальным статусам, свойства статуса переносятся на само место, а затем – с этого места на человека, который занимает либо его, либо близкие к нему места. Поэтому тот, кто сидит «на Камчатке», бессознательно воспринимается преподавателем как потенциальный двоечник и хулиган, как тот, кто не подготовился к занятию. Человек может оказаться там случайно, просто не хватило свободных мест, но, прислонившись спиной к стене, он сразу расслабляется, достает глянцевого журнальчик или некий его эквивалент и забывает про преподавателя. В больших поточных аудиториях иногда открываются дополнительные задние двери, через которые удобно бегать в буфет, не привлекая внимания преподавателя, так что к гламурному журнальчику можно вполне добавить чашечку кофе и приятно убить время.

По тому, как осуществляется перемещение слушателей с передних рядов на задние, можно судить о популярности лектора или докладчика, а также об актуальности темы доклада. Впереди обычно сидят те, кому лекция интересна, кто подготовился и хочет побеседовать с докладчиком. Преподавателем они могут восприниматься как потенциальные отличники, а с задних рядов – как ботаники и выскочки. Подобная структура в известной мере сохраняется, даже если мебель в помещении расставлена по принципу «круглого стола». В этом круге выделяется почетное место для человека с самым высоким статусом, места справа и слева – для тех, кто социально и символически приближен к нему, или для самых активных участников мероприятия, места подалее – для менее активных, еще дальше, вторым кругом или в «зрительном зале» – места для тех, кто реально не принимает участие в дискуссии, а только присутствует. Если человек с задних и удаленных мест перемещается вперед, он тем самым как бы повышает свой статус. Если человек с высоким статусом перемещается назад, он тем самым понижает статус мероприятия.

Таким образом, не только действия бывают уместными или неуместными, но и места – подходящими для данного действия или нет. Точнее, дело никогда не обстоит так, что мы совершаем уместные или неуместные действия в некоем уже данном месте или подбираем места для уже полностью определившихся действий. Скорее, места и действия взаимоопределяются.

¹³ Сериков, А. Е. Метафора и метонимия в практическом действии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Вып. «Философия. Филология». 2007. № 1. // www.phil63.ru/metafora-i-metonimiya-v-prakticheskom-deistvii